



К.В. Ковтун

Вологодский государственный университет

СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОСНОВАНИЕ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

В статье рассматриваются теоретические подходы к пониманию феномена сетевой коммуникации. На основе анализа акторно-сетевой теории, концепции сетевого общества М. Кастельса и системного подхода Н. Лумана делается вывод о том, что сетевая модель не просто актуализировала теоретические исследования информационных технологий, но и стала основанием для категориальной трансформации социальных наук. Показано изменение таких категорий, как пространство, время, движение, коммуникация в условиях сетевого общества.

Сетевое общество, коммуникация, сетевая коммуникация, социальные науки, акторно-сетевая теория.

Сеть является математическим (геометрическим) понятием. Возможность установить количественные соотношения между сетевыми объектами открывает новое пространство для исследований в социологии, экономике, теории организации. Количественные исследования продвигаются в двух направлениях. Матричный подход операционализирует понятие сети для целей изучения групповых взаимоотношений. Геометрический подход исследует эффект социальных коммуникаций сквозь призму пространственных контактов. Параметризация социальных контактов в виде матриц с целью совершения математических преобразований восходит к представителям американской «школы власти» стратегического менеджмента – Минцбергу, Альстрэнду, Лэмпелу: «Организации представляют собой коалиции различных индивидов и групп, объединенных на основе общего интереса, между членами коалиций существуют устойчивые различия в системах ценностей, верований, уровнях информированности, интересах и восприятии реальности» [5, с. 198]. Эти авторы исследуют матрицы влияния, т.е. контактов, возникающих во внешней среде и обусловленных как данностями институциональной природы, так и уникальным для организаций соседством с другими игроками на конкретном сегменте экономического пространства. Российские ученые А. Котелкин, М. Мусин стремятся вывести из этого подхода прикладную методологию изучения «матриц влияния», описывающую многомерную структуру отношений институтов или организаций. Работая на материале экономических взаимоотношений, они ставят целью отразить структурность движений субъектов рынка, «придать точную измеримую форму содержанию тех структур отношений, в которые непосредственно или опосредованно, косвенно – включен каждый индивидум в экономическом пространстве» [5, с. 198]. Отношения и операции рассматриваются как коммуникативные процедуры, связанные с местом субъекта в системе отношений. Таким образом, речь идет об изучении математических формул сетей, в которые включены индивиды и институты.

Представитель близкого к геометрическому подходу в изучении сетевых структур американский ученый Р. Берт использует анализ микроструктуры социальных контактов, опираясь на понятие «социограм», т.е. схематизмов, отражающих движение информационных потоков внутри и вне организации. В своей работе «Социальный капитал структурных дыр» [1] он демонстрирует множество различных коммуникационных схем, существование которых необходимым образом связано с наличием коммуникационных размыканий (структурных дыр) и потребностью в их преодолении. Различные сетевые конфигурации дают различный коммуникационный эффект и служат различным целям. Подобные микросоциологические исследования также легко трансформируются в практические выводы теории организаций.

Несмотря на выявленное многообразие подходов в изучении социальных сетей, им не удается кристаллизироваться в самостоятельную дисциплину, имеющую свой предмет. Существовая на междисциплинарной основе, эти исследования не создали достаточного теоретического фундамента, который можно было бы использовать как базу, и не накопили эмпирического материала, без которого невозможны обоснованные социологические обобщения. Это обстоятельство придает любой работе на тему сетей вынужденную индивидуальность, заставляя исследователя самостоятельно строить план изучения предмета.

Теория сетей учит, что последним пределом, атомом общества является не индивид, а «сообщения», из которых складывается жизнь индивидов, институтов, классов – к какой бы понятийной инстанции мы ни обращались. Неважно, кто является носителем сообщений, важно, какого типа сообщения формируют систему коммуникации. Сообщения обуславливают формы социальных образований и легитимизируют субъектов коммуникации в их социальном статусе. Какая бы социальная форма ни возникала в результате коммуникации, она является одним из видов сетей. И благодаря этому она способна перетекать в другие формы и обмениваться с ними.

Подобный подход позволяет не отказываться от классических понятий социальной науки, он открывает возможность их новой интерпретации. Исследование социального объекта дополняется изучением его сетевых эффектов. В то же время изучение сетевого общества оказывается привязанным к широкоформатному комплексному социальному исследованию, затрагивающему все значимые сферы и регионы социального бытия. Именно по такому пути пошел М. Кастельс, поневоле вынужденный заново описывать все ключевые сферы общества в русле сетевой парадигмы: производство, культуру, досуг, финансы и т.д.

Сетевые эффекты меняют не все. И проявляются они в разных областях по-разному. Существует несколько социальных областей, в которых эти изменения существенны и очевидны: финансовые рынки, рынки труда, корпорации, группы по интересам, система обмена информацией и массмедиа. Обращает на себя внимание, что повестка дня сетевых исследований почти буквально совпадает с повесткой дня исследования глобализации. И это не случайно. Глобализация и есть один из сетевых эффектов, самых существенных и ключевых. Глобализация обозначает новое качество мира, которое далеко не всегда может быть объяснено действием сетевых технологий. Но эти коммуникационные технологии лежат в основе «сжатия пространств» и углубления взаимозависимости мира – ключевых параметров глобализации. В то же время сети далеко не всегда являются глобальными. Изучая глобализацию и сети, исследователи на разных уровнях познают новое качество общества постмодерна. То же можно сказать о понятии «информационного общества», имеющего дело с коммуникационными эффектами, которые можно считать одновременно сетевыми. Обозначая зачастую идентичные или близкие феномены, эти подходы реализуют разные исследовательские программы, инспирированные последними десятилетиями технологической революции [8, с. 120].

Рост сетевых предприятий и институциональных сетей идет рука об руку с сетевой активностью капитала. Финансовый рынок – локомотив и сетевого общества, и глобализации, и информатизации. Кастельс, утверждая, что капитал больше других выиграл от сетевой модернизации, справедливо уловил тот факт, что эта модернизация осуществляется в русле традиционной экономической рациональности, мотивирующей к росту прибыли, экономии на издержках и на масштабах, поиску конкурентных преимуществ. Новые средства коммуникации помогают переносить свой опыт в другое место и с минимальными затратами воспроизводить уже пройденный путь. Формирование стандартов делает легко переносимым интеллектуальный капитал. Гибкая управленческая структура способствует эффективному распределению производственной цепочки во времени и пространстве, перенося трудоемкие процессы в страны с дешевой рабочей силой, а интеллектуально емкие – в развитые страны. Наконец, сетевая экспансия становится главным залогом количественного расширения капитала. Успешные сетевые предприятия сформировали стандарт массового производства, с которым не могут конкурировать предприятия иного типа, вытесняемые

в маргинальные сектора товаров «люкс» или в сферу малого предпринимательства.

Основные преимущества капитала коренятся в природе финансовых рынков. Информационные технологии обнажили информационную сущность финансового капитала. Капитал представляет собой информацию о ресурсах, которые могут рассчитываться, обмениваться, перемещаться. Денежные трансакции в современной банковской системе представляют собой не что иное, как сообщения, перемещения информации. Если в индустриальную эпоху деньги обрели универсальную власть, то в информационную эпоху они приобрели еще и скорость, мобильность, конвертируемость в разные виды финансового капитала. Возникают сложно сконструированные финансовые инструменты, перемещения финансовой информации обретают квантовые скорости, состояние финансовых бирж становится ключевым параметром ситуации в экономике и в обществе. Деньги соединяют социальные действия и выстраивают их в единое целое. В основе возникновения сетевого общества лежит формирование доминантного положения сети финансовых трансакций, способных легко конвертироваться в иные виды социального действия и достигать той или иной точки мира.

В современном обществе сеть можно создать на основе любого инструмента социального действия, способного иметь форму сообщения и информационного потока. Теория групп интересов должна учитывать, что интересы отныне легко артикулируются посредством информационных каналов. Идеология, религия, творчество, образование – все сферы, обслуживающие культуру, вынуждены менять форматы распространения, переходя от статичных книжных форм коммуникации к мобильным информационно-коммуникационным формам.

Теория массмедиа должна исходить из того, что ее ключевым параметром становится не тиражируемость, а широта информационного канала: даже будучи малозначимым, информационный контент становится доступен в любой точке информационного континуума, однако нужно обеспечить его доминирование и значимость в многообразии информационных шумов. В своей способности влияния на процесс принятия решений информационные сообщения массмедиа уступают лишь сообщениям, проходящим по управленческим каналам. Новые средства коммуникации придали массмедиа новые скорости и широту охвата благодаря многообразию форм доставки, возможностям мультимедиа, дешевизне форматов. Прямые репортажи с места событий, круглосуточные новости non-stop, планетарная возможность доступа – все это стало уже привычными вещами. Никогда прежде люди на местах не получали столь качественной и плотной информации (а порой – дезинформации). В то же время именно сегодня возник феномен конкуренции информационных магистралей. Доминирование крупных массмедиа, глобальных инфомагистралей делает вход через их фильтры частной, локальной информации почти невозможным. Сеть не отрицает опасности «цифрового разделения», напротив, формирование сетей дает в руки рычаг «включения и исключения», который, по замечанию М. Кастельса,

является сильнейшим механизмом власти в сетевую эпоху.

О природе власти в сетевом обществе говорят редко, хотя осуществление власти не что иное, как сообщение. Государственная власть является не чем иным, как сетью коммуникаций. Сетевое общество, мультиплицируя и разнообразя информационные потоки в политической сфере, неизбежно демократизирует устоявшийся порядок отправления власти. Наиболее показательный пример – формирование сетей негосударственных организаций (НГО), опоясывающих мир подобно транснациональным сетям корпораций.

Их сети олицетворяют становление единой ценностной структуры мира в общественной сфере, т.е. служат проявлениями формирующейся «мировой общности». Далеко не все из сетей служат глобализации; напротив, есть сети групп, которые борются против глобализации. Подавляющее количество сетей не выходят на глобальный или даже национальный уровень, демонстрируя тенденцию регионализации и локализации информационных потоков. Тем не менее само многообразие позиций и интересов, представительство которых усиливается мощностью сетевых информационных потоков, формирует новый, особый род политики интенсивных коммуникаций, которую Ю. Хабермас назвал «делиберативной» политикой [9, p. 366].

Новая социальная оптика, которой необходимо овладеть социальному исследователю, если он желает постичь сложность общества XXI в., побуждает пересмотреть понятия и подходы классической социальной теории. Теория сетей не отменяет эти подходы, а служит их обогащению, она рассматривает общество сквозь призму коммуникации (Н. Луман) и видит в сообщении основной атом социальности, переинтерпретируя в коммуникационном ключе основные социальные понятия [10, p. 120]. Теория сетей призывает к философскому пересмотру многих вещей, провоцируя измерять пространство не расстояниями, а потоками, отсчитывать время не часами, а событиями. Наконец, актуален прикладной прогностический результат таких исследований, позволяющий открывать черты нового в самых разных сферах жизни. В отличие от набившей оскомину концепции «конца истории», он наполняет исследовательским оптимизмом, суля многообещающие эвристические перспективы.

Обобщающая концепция коммуникации как существенной характеристики самого общества представлена в работах Н. Лумана. Общество исследуется как коммуникативная система, ставится задача «положить в основу понятие коммуникации и тем самым переформулировать социологическую теорию на базе понятия системы вместо понятия действия» [10, p. 125]. Именно на понятия коммуникации базируются основные идеи Лумана. То, что «человеческие отношения, да и сама общественная жизнь невозможны без коммуникации», «только коммуникация может осуществлять коммуникацию», это «определенный тип наблюдения мира». Соответственно сформирован новый язык «теории общества как социальной системы», для Лумана его источники – математическая и биологическая кибернетика, информатика и конст-

руктивизм. И хотя информационный подход существенно преобладает, тем не менее сама теория общества как теория коммуникаций строится на таких новых для социологии понятиях, как аутопойезис (самосозидание, самоорганизация) коммуникации, коммуникативное порождение смысла, социальная система как «машина выживания» коммуникационных смыслов, коммуникативные пространства, самописание и самоприменимость истины. В конечном счете, социология предстает как поиск законов связи коммуникаций (порядка в обществе), их способов выстраивания и дифференциаций на типы (научные, политические, экономические и др.), создание языковых кодов, коммуникативных посредников (истина, власть). Таким образом, конструктивистский подход Лумана опирается на новые для познания общества практики, соответственно возникает новая – междисциплинарная – теория общества, одним из базовых понятий которой стала коммуникация в контексте семиотики, логики, психологии, лингвистики и других областей знания.

Философы, сторонники концепции «постиндустриального» или «информационного» общества, активно интересующиеся сетевыми феноменами, как правило, не считают, что последние приобретают центральное значение для социальной науки. Тем не менее стремительная «сетевизация» общества не является случайным эффектом социального развития и не оставляет незатронутыми остальные регионы социального бытия. Сетевое начало глубоко затрагивает структуры современного общества и заставляет общество жить и видеть вещи по-новому.

Социальные категории завязаны на социальные практики, но чтобы опознать новые социальные практики, требуется опережающим образом произвести трансформацию традиционных категорий и обосновать это смещение взгляда. Это должно коснуться фундаментальных категорий пространственно-временного определения действительности. Именно на это смещение смысла категорий пространства и времени указал М. Кастельс, когда взялся за задачу определить сетевое общество. Впрочем, как будет видно из последующего изложения, новая концептуализация категорий социального пространства и социального времени является не только продуктом нового сетевого мышления, но дело происходит обратным образом: новая трактовка пространственно-временного континуума во многом является источником возникновения сетевого мышления.

Традиционное представление о пространстве как об абстрактном расстоянии, т.е. через призму способности предмета преодолеть его за определенный отрезок времени, не может быть в сетевом контексте направляющим ориентиром, поскольку в современном контексте социальных перемещений сменились оси координат. Маленький локальный отрезок пути может преодолеваться за гораздо больший временной интервал, чем огромные глобальные расстояния. В социальном мире пространство определяется через скорость коммуникаций. Расстояние является функцией конкретного медиума, преодолевающего его. Одно и то же пространственное удаление может означать разные расстояния и не быть эквивалентно ни одному из них. Соответственно, пространство не есть рас-

стояние, но совокупность разных расстояний. Плюрализм осей координат приводит к необходимости перенести постулаты теории относительности в социальную теорию, которая долгое время оставалась в русле наивного евклидова восприятия. Математические теории сетевого пространства, экспериментирующие с понятием разных степеней искривления гауссова пространства, могут служить основными направляющими ориентирами в мыслительных экспериментах по осмыслению современного социального пространства.

Выражая это мироощущение, М. Кастельс выдвинул гипотезу о превращении в информационную эпоху пространства мест в пространство потоков. «Наше общество построено вокруг потоков: капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов. Потоки есть не просто один из элементов социальной организации, они являются выражением процессов, доминирующих в нашей экономической, политической и символической жизни... Новая пространственная форма, характерная для социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его: пространство потоков. Пространство потоков есть материальная организация социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его. Под потоками я понимаю целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разведенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» [3, с. 64].

Динамический образ пространства потоков позволяет в сетевом обществе многое объяснить. Социальное пространство становится открытым для различных концептуализаций, для открытия и исследования «множества пространств». Именно утрата целостности пространства, его разорванность и его же способность к воссоединению становится ключевой для образования социальных сетей, которые в каком-то смысле являются автономными социальными мирами, требующими собственных пространств, в то же время стремящимися не утрачивать связь с «общим» пространством.

Трансформация представлений о пространстве столь очевидны, что наиболее общеупотребимой и популярной характеристикой сегодняшнего состояния современного общества является пространственная метафора «глобализации». Глобализация означает факт преодоления локальных пределов, приобретения социальными процессами всеобщей, глобальной размерности. При этом основное изменение упрощенно видится в «уплотнении пространства», в оперировании большими пространствами и скоростями, в проницаемости межстрановых границ. На самом деле, эффект глобализации зиждется не на большей доступности удаленных пространств, сколько на наложении и контрасте пространственных перспектив. Локальные пространства и скорости остались прежними, хотя автомобиль, превратившийся из роскоши в предмет повседневного потребления, изменил их соотношение даже на бытовом уровне. Новый эффект вызывает радикальное изменение понятия удаленно-

сти, которое не может более осмысливаться «километрами», мерой локальностей. Иначе говоря, из опыта и практики движения и коммуникации в физически доступных пространствах нельзя сделать никакого вывода о физически недоступных пространствах. Хотя ранее такая возможность была: путешествие из Петербурга в Москву или вокруг земного шара можно было выразить в количестве дней, в количестве миль. Сегодня любой далекий путь складывается из сравнительно быстро преодолеваемых глобальностей и долго осиливаемых локальностей: путь до аэропорта и затем до отеля занимает зачастую больше времени, чем само расстояние в несколько тысяч километров. Каждый маршрут оказывается дорогой «первой» и «последней мили», а не складывается из миль как таковых. Осмысливать расстояние можно, только «переключая» фокусы, учитывая наложение разных размерностей и скоростей, которые становятся еще одной характеристической чертой современного общества. Считается, что скорость имеет тот, кто движется, но современные коммуникации позволяют большинство дел вершить без движения, сидя в офисе. Как раз действия без движения, производимые с помощью коммуникации, оказываются более масштабны, чем те, которые можно осуществить с помощью физических перемещений и встреч. Соответственно, и скорости процессов оказываются завязаны не на движения, а на информационные потоки, на инструментальную коммуникацию. В этом обществе тем больше скорость жизни, чем менее люди движутся. Это не скорость движения, а скорость решений, скорость трансакций.

Скорости становятся решающим показателем в определении результатов движения. Информационное общество – общество, разделенное на тех, кто впереди и кто позади, кто успевает и кто опаздывает.

Представление о современном социальном пространстве невозможно основывать на архаических представлениях визуального восприятия пространства, какой является Евклидова геометрия. Его необходимо формировать концептуально на основе новых вводимых понятий и параметров, как это делали великие математики прошлого. Время, для того чтобы применять современные геометрические теории в социальной топологии, пришло. Например, вследствие возникновения глобальной информационной сети земля не может более восприниматься как плоская суша, но скорее как силовое поле, в котором силовые линии организуются вокруг основных энергетических и информационных центров. Знатки легко узнают такие центры в городах-местах расположения крупнейших фондовых бирж (Нью-Йорке, Лондоне, Токио). Если брать поле политических влияний, то центрами возмущений будут другие города – Вашингтон, Париж, Москва и другие. Религиозное пространство образует свое силовое поле, культурное – свое и т.д. Глобальная сеть Интернет, как продемонстрировал М. Кастельс, концентрирует свои основные информационные ресурсы в центрах современных мегаполисов. Топология социальных полей имеет не много общего с математическими представлениями, но ясно одно – она требует новых теоретических подходов и понятий.

Пространственная метафора «сети», казалось бы, не затрагивает понятия времени. Но для обоснования социальных категорий время так же необходимо, как и понятие пространства. В отличие от материальных сетей, существующих предметно, как бы вне времени, сетевая коммуникация возникает и протекает во времени. Для нее измерение времени является таким же существенным составным элементом, как и пространство.

Традиционное восприятие социального времени обусловлено космической и физиологической цикличностью дня и ночи, и здесь потеря «точки опоры» вследствие глобализации не столь очевидна. День продолжает сменять ночь. Социальная наука должна отдать дань тому факту, что, несмотря на совершившуюся благодаря Копернику «смену парадигм» в науке о природе, в жизни людей истина о том, что Солнце вращается вокруг Земли, осталась столь же непреложной, как тысячелетия до этого. В то же время статичность традиционного общества, способного выходить из наивного восприятия времени только в квазивечное время истории, тоже позади. В современном обществе время уже не может восприниматься как константа, вокруг которой можно организовывать социальные процессы. В глобальном мире, на самом деле, нет больше «дня и ночи». О времени нельзя более утверждать, что оно не обратимо и не рекурсивно, как это пишется в учебниках. Время становится событийным, оно привязывается к значению социальных событий, от которых не может быть абстрагировано. Разрывается цикличность, свойственная традиционному восприятию времени, побуждающая формулировать социальные проблемы как проблемы вневременные. Время также становится «относительным», как и пространство, представляя собой совокупность различных социальных диапазонов «времен».

«Секундные транзакции капитала, гибкое предпринимательство, варьируемое рабочее время жизни, размывание жизненного цикла, поиск вечности через отрицание смерти, мгновенные войны и культура виртуального времени – суть фундаментальные явления, характерные для сетевого общества, которые систематически перемешивают последовательность времен», – пишет М. Кастельс [3, с. 65]. В сетевом обществе, отмечает социолог, каждый момент времени оказывается одновременно «раньше» и «позже», «до» и «после». Время не может больше иметь форму чередования дней и ночей, оно является чередованием событийных отрезков, в которые нечто «успевается». Астрономическое время в бытовом измерении заслоняется временем «социальным» и воспринимается по-разному в контексте разных событий.

В то же время возникает противоречие между размерностью «разных» пространств и «общего для всех» времени. Если «территории» распределены и приватизированы, время принадлежит «всем». Единство пространства размыто в гораздо большей степени, чем единство времени. Возрастающим в коммуникационном обществе возможностям мобильности пространства противостоит стабильность времени. Границы времени гораздо более жесткие и более бесспорные, чем границы пространства. Поэтому в социальной практике все более утверждается представление о том, что время является мерой событий, давая

бытию событийный смысл. Действительно, время по-разному может быть сочленено с прошлым и будущим, и каждый момент раскрывает по-новому смысл бытия. Коммуникационное общество – общество, пытающееся жесткость времени преодолеть мобильностью пространства, элиминировать равенство в доступе и распределении ресурса времени путем управления дифференцированными «темпами» жизни.

Жесткость времени проявляется не только в том, что им сложно манипулировать. В современном экономическом обществе время встраивается в социальную ткань так, что каждое явление становится охваченным временным потоком, от которого невозможно освободиться. Если прежде многие социальные практики функционировали как рутины и для социолога воспринимались как бытовой, «вневременной» фон, который происходит всегда и одинаковым образом, то сегодня даже рутинная приобретает временной пульс. На эмпирическом уровне это проявляется как жесткий императив для субъектов социальных действий «успеть сделать вовремя». Вовремя нужно появиться на работе, вовремя должна быть совершена погрузка, вовремя совершена транзакция. Это новое ощущение важности времени вызвано формированием «временного скелета» социальных процессов. Многие из социальных актов не могут длиться произвольный промежуток времени, как раньше. Они должны произойти именно в отведенный срок, чтобы мог совершиться следующий в цепочке акт, более высокого уровня [3, с. 76]. Время ощущается как «граница повседневности», и наличие этой границы трансформирует аморфную повседневность в новую, гуттаперчевую ткань социальных процессов.

Иными словами, способность времени разбиваться на времена и в то же время сохранять жесткое единство, подобно тому, как это происходит с пространством, создает условие возможности для образования коммуникационной «сетевой ткани». Это позволяет множиться социальным мирам, выстраивая сети в пространстве и времени произвольным образом: нанизывая их друг на друга или располагая параллельно друг другу.

Если пространство в информационном обществе реорганизуется из «расстояний» в «потоки», то время само по себе является потоком, содержит в себе изменение. Время не может расщепляться, быть направленным потоком, какими остаются информационные потоки, но именно потому, что информационные и пространственные потоки являются таковыми благодаря причастности времени, время также способно индивидуализироваться. Каждый организует общий ресурс времени так, как это вытекает из его задач, представлений, возможностей. Точнее, каждый располагает себя, свои действия, планы, представления в общем домене времени так, чтобы реализовывать свои индивидуальные стратегии, чтобы быть способным подключаться и отключаться от коллективных социальных потоков. Из индивидуальных свобод включения и отключения, как из кирпичиков, складываются сооружения социальных сетей. Иначе эти сооружения оставались бы казармами или толпами.

Поскольку время единонаправлено, источник различия в нем – не маршрут, а возможность ускорения и

замедления, т.е. темп. Темпы в музыке задают совершенно разные динамические миры, темпы в социальной жизни обуславливают совершенно разный жизненный профиль. Коль скоро современные общества оказываются способны генерировать вместе со временем изменения и прироста, понятие темпа жизни оказывается решающим при определении жизнедеятельности, конкурентоспособности, производительности труда, а следовательно, процветания общества. Социальным богатством, в отличие от колониальной эпохи, начинают обладать не те страны, которые располагают ресурсом пространства (пространство не несет в себе прироста), а те, которые способны организовывать время и увеличивать жизненные темпы и производительность. Критерием социального совершенства становится умение реализовывать разные темпы, а не придерживаться одного. Задача успеть вдвое больше за тот же промежуток времени – предъявляет колоссальные требования к состоянию и «спортивной форме» общественного организма. Но возможностей выскочить из этой гонки ни у одной страны в глобальном обществе нет.

Одним из первых, кто обратил внимание на трансформацию социальности в современном информационном обществе, явился М. Кастельс, который ввел в «сетевую социологию» такие понятия, как «новая модель социальности», «информационный поток», «персонализируемое сообщество», «сетевой индивидуализм», «глобальная информационная экономика», связанная с производством и обработкой информации и способная работать как «единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты» [3, с. 100], «сетевое предприятие», которое составляет материальную основу культуры в информационной/глобальной экономике, превращая «сигналы в товары, обрабатывая знания» и т.д. [3, с. 100].

Результатом всюду проникающей информационной сетевой мобильной гибкости явилось становление общества пространства потоков информации, технологий, капиталов как основы пространственной структуры социальной жизни информационной эпохи, названной М. Кастельсом «сетевым обществом», потому что оно «создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство...» [3, с. 105]. Такой сетевой подход позволяет по-новому подойти к анализу социальной реальности современного информационного общества, так как «именно сеть стала той формой социальной организации, которая присуща постиндустриальному обществу» [6, с. 69].

В теории сетей понятие социальности, социального контакта понимается не просто как материальный обмен, языковое общение, нормативная или институциональная связь, а как бинарная коммуникация в контексте коммуникативных событий и взаимосвязей. Социальность при таком подходе определяется как «совокупность “сообщений”, способных транслироваться, накапливаться, виртуализироваться и т.д.» [6, с. 70], к которым сводится все многообразие социальной реальности. При этом сообщение, поток сообщений пронизывают в сетевом обществе все сферы об-

щественной и личной жизни, изменяя, тем самым, оптику социальной науки.

Исходным «атомом» сетевой социологии становится не понятие индивида, как это имело место в классической социологии, а сообщение, из совокупности которых складывается жизнь индивидов, институтов, кланов и т.д. Такой подход не отрицает полностью значимости основных положений классической социологии, но позволяет их интерпретировать по-новому, в соответствии с утверждающейся информационной сетевой реальностью.

Особенно актуальным и необходимым в контексте методологии сетевой коммуникации является анализ таких областей и явлений социальной жизни, как глобализация, социальная и политическая структура общества, финансовые рынки, рынки труда, корпорации, группы по интересам, система обмена информацией, образование, медиа-культура и т. д. В контексте такой сетевой тотальности, сегодня все, что не является сетями, «образует маргинализирующуюся часть мира, обреченного быть сетевым» [6, с. 71]. Это приводит к тому, что такие сферы, обслуживающие культуру, как идеология, религия, творчество, образование «вынуждены менять форматы распространения, переходя от статичных книжных форм коммуникации к мобильным информационно-коммуникационным формам» [6, с. 72].

Определенные изменения теория сетей вносит и в понимание одной из ключевых проблем социологии – понятия индивида, так как в основании, на входе и выходе любой информационной сети находится коммуникация индивидов. Человек становится генератором и потребителем сообщений, он занимает определенное, от его способностей зависящее, место в потоке сообщений, выстраивая «сложные коммуникативно-деятельностные конфигурации» [7, с. 58].

Такой коммуникационный, сетевой индивид должен быть образован, мобилен, являться субъектом коммуникации, быть вовлеченным в деятельность сетевых институтов и коммуникаций, быть креативной личностью, способной не только получать, но и использовать, применять знание, которое «в новых постиндустриальных условиях становится основным ресурсом для развития производства, управления и культуры» [7, с. 58].

Сетевая коммуникация изменяет природу наших представлений о социальном пространстве и времени, делая актуальной проблему их новой категориальной концептуализации. С точки зрения классической социальной теории, пространство является «материальной опорой социальных практик разделения времени...», а место – территорией, формой, «функция и значение которой содержатся в границах физической близости» [4, с. 304].

В отличие от классического, механистического представления о пространстве, которое преодолевается за определенный отрезок времени, социальное пространство относительно, оно характеризуется скоростью коммуникаций и представляет собой не пространство места, а пространство потоков «капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов» [4, с. 275]. При этом под потоком понимаются целенаправлен-

ные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества. Поэтому сетевое социальное пространство – это пространство потоков, движений и скоростей, которое утратило евклидову изомерность и равномерность, так как оно относительно, способно к «сжиманию» и преодолению географических границ, это «материальная организация социальных практик в разделенном времени, работающих через потоки» [4, с. 205].

Социальное сетевое время, так же как и пространство, отличается от традиционного восприятия, которое определяется космической и физической цикличностью смены дня и ночи. Время в сетевом обществе не может восприниматься как постоянная величина, оно становится относительным, «разорванным», не цикличным, связанным со значимостью социальных событий, представляет собой чередование событийных отрезков.

В связи с этим, Кастельс вводит понятие вневременного времени, которое «принадлежит пространству потоков, тогда как временная дисциплина, биологическое время и социально детерминированный порядок следования характеризуют местности всего мира, материально структурируя и деструктурируя наши сегментированные общества» [4, с. 201]. Исходя из этого, Кастельс выдвигает гипотезу, при помощи которой пытается доказать, что «сетевое общество характеризуется уничтожением ритмичности, как биологической, так и социальной, связанной с понятием жизненного цикла» [7, с. 60].

Сетевая социальная структура меняет наши представления не только об индивидуе, социальных институтах, коммуникации, социальном пространстве и времени, но и о таких фундаментальных категориях социального бытия, как причинность и предметность, так как «предмет, вступая в живую интерактивную связь с информацией, виртуализируется и превращается в артефакт, компонент медийной среды» [7, с. 62].

Таким образом, понятие сети выступает сегодня обозначением новой логики осмысления предельно сложных явлений и процессов, происходящих в современном мире, определенным междисциплинарным дискурсом, методом теоретического описания и конструирования, взаимосвязи и взаимодействия неожиданных, отдаленных друг от друга информационных, когнитивных, коммуникативных явлений и процессов, порождая новый подход к анализу актуальных проблем философии социальных наук, человека коммуникационной, сетевой техносферы.

Литература

1. Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы: семиотика, поэтика. – Москва, 1989. – 391 с.
2. Кастельс, М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
3. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ., под научн. ред. О.И. Шкаратана. – Москва: ГУ ВШЭ, 2000. – 101 с.
4. Кастельс, М. Культура реальной виртуальности: интеграция электронных средств коммуникации, конец массовой аудитории и возникновение интерактивных сетей / М. Кастельс // Информационное общество: экономика, власть, культура: хрестоматия: в 2 т. / сост. В.И. Игнатъев, Е.А. Салихова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2004. – Т. 2. – 372 с.
5. Котелкин, А.И. Матрицы влияния. Теория и практика экономического управления / А.И. Котелкин, М.М. Мусин. – Москва, 2003. – 198 с.
6. Назарчук, А.В. Сетевое общество и его философское осмысление / А.В. Назарчук // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 61–75.
7. Назарчук, А.В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества / А.В. Назарчук // Вопросы философии. – 2012. – № 9. – С. 56–67.
8. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер // Новая индустриальная волна на Западе / под ред. В.Л. Иноземцева. – Москва, 1999. – 320 с.
9. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns / J. Habermas. – Frankfurt, 1991. – Bd. 2. – 640 p.
10. Luhmann, N. Kontingenzen als Eigenwert der modernen Gesellschaft / N. Luhmann // Beobachtung der Moderne. – Opladen, 1992. – 500 p.

K.V. Kovtun

SOCIAL COMMUNICATION AS THE BASIS FOR CATEGORIAL TRANSFORMATION OF SOCIAL SCIENCES

The article deals with theoretical approaches to the understanding of the phenomenon of network communication. In the analysis of the actor-network theory, M. Castells's concept of the network society and N. Luhmann's system approach, the author concludes that the network model has not only actualized the theoretical research of information technologies, but has also become the basis for the categorial transformation of social sciences. The changes of such categories as space, time, movement, communication in the network society are shown.

Network society, communication, network communication, social sciences, actor-network theory.